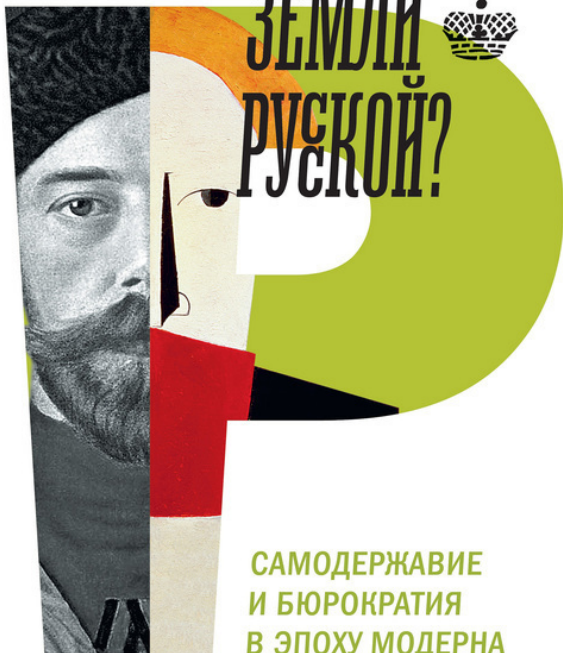

КИРИЛЛ СОЛОВЬЕВ

ХОЗЯИН ЗЕМЛИ РУССКОЙ?

САМОДЕРЖАВИЕ
И БЮРОКРАТИЯ
В ЭПОХУ МОДЕРНА

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

Кирилл Андреевич Соловьев

Хозяин земли русской?

Серия «Что такое Россия»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26549111

*Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна:
Новое литературное обозрение; Москва; 2017
ISBN 978-5-4448-0846-7*

Аннотация

В 1897 году в ходе первой всероссийской переписи населения Николай II в анкетной графе «род деятельности» написал знаменитые слова: «Хозяин земли русской». Но несмотря на формальное всевластие русского самодержца, он был весьма ограничен в свободе деятельности со стороны бюрократического аппарата. Российская бюрократия – в отсутствие сдерживающих ее правовых институтов – стала поистине всесильна. Книга известного историка Кирилла Соловьева дает убедительный коллективный портрет «министерской олигархии» конца XIX века и подробное описание отдельных ярких представителей этого сословия (М. Т. Лорис-Меликова, К. П. Победоносцева, В. К. Плеве, С. Ю. Витте и др.). Особое внимание автор уделяет механизмам принятия государственных решений, конфликтам бюрократии с обществом, внутриминистерским интригам. Слабость административной вертикали при внешне жесткой бюрократической системе, слабое знание чиновниками реалий

российской жизни, законодательная анархия – все эти факторы в итоге привели к падению монархии. Кирилл Соловьев – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и теории исторической науки РГГУ. Автор трехсот научных публикаций, в том числе пяти монографий по вопросам политической истории России, истории парламентаризма, техники управления и технологии власти.

Содержание

Модерн и архаика на рубеже столетий	6
Царь. «Правда воли монаршей»	28
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Кирилл Соловьев
Хозяин земли русской?
Самодержавие
и бюрократия в
эпоху модерна

© Русский музей, Санкт-Петербург, 2017

© К. Соловьев, 2017

© ООО «Новое литературное обозрение», 2017

Модерн и архаика на рубеже столетий

В 1897 г. проходила первая всероссийская перепись. В ней участвовали более 126 миллионов подданных Российской империи и, конечно же, сам император Николай II. Ему в переписном листе предстояло указать род своих занятий. Недолго думая, государь написал фразу, впоследствии вошедшую в учебники и монографии: «Хозяин земли русской». Императрица Александра Федоровна, в свою очередь, была названа «хозяйкой» России. Нет сомнений, что именно так царственная чета себя и воспринимала. Эта формула не была случайной.

Начиная со второй трети XIX в. многие отечественные мыслители славянофильского толка писали об уникальности политической системы России, не имевшей аналогов в Западной Европе. По их мнению, самодержавие – не западный абсолютизм, предполагавший всевластие бюрократии. Вместе с тем самодержавие – и не восточная тирания. В отличие от азиатских деспотов, власть русского самодержца была ограничена – его совестью и верой. Он должен был править, опираясь не на механическую силу, а на безусловную поддержку народа, который видел (или должен был видеть) в сильной царской власти залог своего благополучия. Славя-

нофилам казалось, что русский царь в отличие от западноевропейского министра или депутата думал не о своих личных интересах или выгодах для своего окружения, его волновали чаяния народных масс, причем в особенности наиболее нуждавшихся его представителей. Это объяснялось тем, что государя никто не выбирал, он представлял не кого-то в отдельности, а всех вместе. Кроме того, у царя не было собственных, частных интересов: все они так или иначе были удовлетворены в момент его восшествия на престол. В сущности, он ни в чем не нуждался. Он обладал безграничной властью и несметными богатствами. Его единственная амбиция – работать во благо своего народа.

Конечно, у славянофилов были претензии к правящим верхам. Они полагали, что идеальная конструкция самодержавия была подвержена эрозии. Она все более походила на западноевропейский абсолютизм. Вина лежала, прежде всего, на Петре Великом, который сделал ставку на чиновничество, создал из него «средостение» между монархом и народом. Перед Россией стояла задача возвращения к подлинному самодержавию, к временам царя Алексея Михайловича. Для этого предлагались разные пути: например, возрождение земских соборов – живого воплощения единства царя и «земли» (то есть народа, общества).

В целом, славянофилы принадлежали к оппозиции: они критиковали сложившийся режим и призывали к политическим преобразованиям. Вполне естественно, что власти пре-

державные относились к ним скорее скептически, с подозрением. Однако созданная славянофилами утопия уникального русского царства захватила умы многих. В итоге именно из славянофильских «кубиков» складывалась мифология власти, в которую верили сами цари. И Александр III, и Николай II с большим почтением относились к русской старине, идеализировали ее, мечтали о возрождении утраченного «золотого века». И это были не только слова. Они воплощались в символы и образы. Монархи покровительствовали строительству в старорусском стиле. Зная об этом, зодчие все чаще подражали зданиям допетровской Руси. Иконописцы же копировали образцы XVI–XVII вв. Это была мода, навязываемая с высоты престола, в которой сказывалось страстное желание ухватиться за прошлое и случайно не ускользнуть в будущее. Согласно воспоминаниям протопресвитера Г. И. Шавельского, в императорском Федоровском соборе в Царском Селе некоторые иконы даже поражали своей уродливостью, так как были списаны с отнюдь не лучших средневековых оригиналов. «Для большего сходства со старинными некоторые иконы написаны на старых, прогнивших досках... Да и вся иконопись, всё убранство собора, не давшие места ни одному из произведений современных великих мастеров церковного искусства – Васнецова, Нестерова и др., – представляются каким-то диссонансом для нашего времени».

Императорская семья всячески, порой нарочито, подчер-

живала свою религиозность. Только в спальне царскосельского Александровского дворца, где преимущественно проживала чета последнего русского царя, было 800 икон. Наконец, можно было попытаться хотя бы на время возродить XVII столетие. В 1903 г. Николай II организовал костюмированный бал в Зимнем дворце, обязав своих подданных одеться в наряды из времен Алексея Михайловича. Кому-то могло показаться, что на дворе действительно XVII век.

Однако наступал век двадцатый. Впервые за долгое время радикально менялся быт человека. Теперь можно было по-новому взглянуть на время и пространство. Сейчас трудно осознать, как сильно железнодорожное строительство изменило мир. Оно придало ускорение жизни, отменило старые проблемы, создало – новые, способствовало росту прежде малонаселенных городков и в то же время угасанию известных центров. По мнению выдающегося французского историка Ф. Броделя, только благодаря железной дороге возникла в полном смысле этого слова единая Франция. Еще в большей степени это относится к России. Тогда, в конце XIX в., строительство железных дорог в стране приобрело впечатляющие масштабы: в 1893–1897 гг. в России прокладывали 2–2,5 тыс. км в год. Ж. Верн посвятил этому целый роман «Клодиус Бомбарнак», изданный в 1892 г.

К концу XIX в. к железным дорогам уже привыкли. Поразительные страхи первой половины века остались в про-

шлом¹. Постепенно горожанин привыкал и к автомобилю. К 1900 г. в Петербурге было уже около 90 автобусов с двигателями внутреннего сгорания. Осваивая пространство, человек задумался и о небе. В 1880 г. было основано Русское общество воздухоплавания. В 1893–1894 гг. в столице был построен первый в России дирижабль. Правда, его испытания закончились неудачно. Информация обретала еще большую скорость, чем человек. В жизнь входили радио, телефон, телеграф. В 1881 г. были сооружены телефонные станции в Петербурге, Москве, Одессе, Риге и Варшаве. Телефонная линия Москва – Петербург была самой протяженной в мире (660 км). В начале XX в. она ежедневно обслуживала более 200 переговоров. Уже в 1882 г. в Петербурге по телефонной линии транслировалась опера «Русалка» из Мариинского театра. Общество уверовало в технический прогресс и ждало от него настоящего чуда. «Скоро мы будем видеть друг друга по проволоке на расстоянии сотен и тысяч верст!» – констатировал один из героев повести А. И. Куприна «Молох». В эти годы многие, казалось бы, несбыточные фантазии реализовывались и становились частью обы-

¹ В 1830-е гг. против строительства железных дорог выступал министр финансов Е. Ф. Канкрин и главноуправляющий путями сообщения К. Ф. Толь. Противники строительства приводили весьма неожиданные аргументы. В частности, высказывалась мысль, что на дрова для паровозов будет изведен весь лес. Некоторые говорили, что сила России – в отсутствии дорог, благодаря этому она неприступна для врага. Другие отмечали, что железная дорога может испортить нравственность. В конце концов казалось очевидным, что столь быстрое движение (60 км/ч) будет вредным для пассажиров.

денной жизни. Так, 12 марта 1896 г. в физический кабинет Петербургского университета пришла первая в мире радиogramма. В том же году в России впервые показывались фильмы братьев Люмьер. Тогда же начали сниматься любительские фильмы. В 1903–1904 гг. в России появились первые кинотеатры. Пришло электрическое освещение на улицы городов. В начале 1890-х гг. в Петербурге было 80 электрических фонарей, а в 1903 г. – уже около 3000.

Менялся и городской пейзаж. Москва в этом отношении была впереди всей империи, в том числе и столицы. Здесь на рубеже 1880–1890-х гг. «стали вырастать то там, то тут небоскребы, многоэтажные дома с массой квартир, а на Девичьем поле словно по мановению волшебного жезла раскинулся целый городок превосходно устроенных университетских клиник (все на пожертвования крупного московского купечества), потом пришли телефоны, автомобили и трамваи», – писал историк Александр Кизеветтер.

Естественно, технический прогресс коснулся и императорской семьи. В 1886 г. электричество появилось в Аничковом дворце. В 1887 г. был электрифицирован Петергофский дворец. Николай II с большим интересом относился к техническим новшествам. Любил автомобили, занимался фотографией (правда, император недолго любил телефонную связь). Царская жизнь изменилась, но царская власть оставалась как будто бы прежней.

Самодержавие – держащая основа политического режима

в России на протяжении многих столетий. Российский император был не только единовластным главой государства, но он и возглавлял церковь. Его особа была священной. Легитимность власти не ставилась под сомнение. Само понятие «самодержавие» лишний раз напоминало о византийских истоках российской власти.

И все же, воспроизводя эти идеологические формулы, надо иметь в виду, что они сравнительно позднего происхождения. В действительности византийский император по своим властным полномочиям, положению в политической системе не слишком напоминал российского самодержца. И наконец, самодержавие непрерывно менялось на протяжении своей долгой истории. В конце XV в. титул «самодержец» подчеркивал внешнеполитическую независимость Московского государства. В конце XIX в., вопреки всем славянофильским построениям, – неограниченность власти государя.

Конечно, и Иван Грозный, и Петр Великий, и Николай I нисколько не сомневались в том, что обладали абсолютной властью. Однако они правили в разное время, в разных условиях и, в сущности, разными странами. В этой связи было бы странным отождествлять эти режимы, объяснять их общими фразами о неограниченной монархии. Тем более было бы ошибкой вспоминать о царе из сказок, чье самодурство и перемены настроения определяли жизнь его подданных. Император начала XX в. не вполне располагал собой, чтобы

кому-то диктовать свою волю.

Самодержавие в девятнадцатом, «европейском» столетии российской истории имело свои характерные особенности. Монархия по мере возможности адаптировалась к менявшемуся обществу, потребностям народного хозяйства, новым вызовам внешней политики. И, конечно, в XIX в. государственная жизнь не стояла на месте: она усложнялась, обретала новые формы, придавая новое значение старым словам.

Эта книга посвящена особому периоду истории российской власти, который начался вместе с трагической кончиной Александра II. Тогда в одних гостиных нетерпеливые поднимали тост за будущую конституцию. В других – делали все, чтобы надежды первых не сбылись.

Весь XIX век русское общество говорило о конституции. О конституции задумывалась и верховная власть. Причем в ряде случаев эти помыслы воплощались на практике. Как раз благодаря российскому правительству конституцию получили Финляндия (1809), Польша (1815), Франция (1814), Валахия (1831), Молдавское княжество (1832), Болгария (1879). В самой же России об этом оставалось лишь мечтать и подготавливать проекты, в которых выражались бы самые скромные пожелания отечественных конституционалистов. Разрабатывали свои проекты конституции даже дети и подростки, старавшиеся не отставать от родителей: например, будущий председатель I Думы С. А. Муромцев и впоследствии знаменитый философ и ректор Московского

университета С. Н. Трубецкой. Впрочем, тексты «конституций» составлялись и у самого подножия престола видными бюрократами или представителями правящего дома: министром внутренних дел П. А. Валуевым, братом императора великим князем Константином Николаевичем, министром внутренних дел М. Т. Лорис-Меликовым. Конечно, в большинстве случаев эти проекты не очень походили на конституционные и могут быть названы таковыми лишь с большой долей условности. По большей части они предусматривали сохранение неограниченной власти царя, в помощь которому должен быть придан реформированный Государственный совет с участием избранных представителей земств и городов. Естественно, Государственный совет оставался бы законосовещательным, а не законодательным учреждением. Тем не менее само появление «депутатов» означало бы существенный разворот в жизни России, в которой впервые возникло бы некое подобие публичной политики, а за этим, может быть, последовали бы необратимые изменения, которые в корне изменили бы положение в стране.

Однако эти проекты осуществлены не были. Об их возможных последствиях остается лишь догадываться. Аттестовать их как «конституционные» – своего рода аванс историка. В большинстве своем они не имели даже шансов воплотиться на практике. Однако это не относится к проекту Лорис-Меликова, который вполне мог обрести силу закона, если бы не гибель Александра II. Его преемник, Александр III,

предпочел заявить о незыблемости самодержавия.

К проекту Лорис-Меликова вернулись 25 лет спустя. В 1904 г. новый министр внутренних дел князь П. Д. Святополк-Мирский, в сущности, представил императору те же самые преобразования. Вновь весьма скромная попытка лишь в малой степени умалить полномочия верховной власти потерпела неудачу. Николай II пытался следовать путем отца, но менее чем через год подписал акт, который сам оценивал как конституционный – Манифест 17 октября 1905 г. Путь от проекта Лорис-Меликова к проекту Святополк-Мирского занял практически четверть века. Это было время политического топтания на месте. Прошло еще десять месяцев – и Россия стала совершенно другой.

В это же самое время, в последней четверти XIX в., в странах Западной Европы шло неуклонное расширение избирательного права. В Великобритании после реформ 1867 и 1883 гг. количество избирателей увеличилось в четыре раза – с 8 до 29 %. В 1894 г. аналогичные преобразования произошли в Бельгии. Там электорат увеличился с 4 до 37 %. Благодаря реформе в Норвегии в 1898 г. количество избирателей и в этой стране увеличилось с 16 до 35 %. Наконец, уже с 1870-х гг. всеобщее избирательное право (правда, пока только для мужчин) имело место в Германии, Франции, Швейцарии, Дании. Иными словами, постепенно формировался массовый избиратель, который нуждался в больших партиях, способных выдвинуть лозунги широких социаль-

ных реформ. Большинству обществоведов тех лет процесс демократизации всех стран (по крайней мере в Европе) казался неминуемым. В этом виделось прогрессивное развитие политической жизни человечества. Правда, некоторых государственных мужей эти изменения скорее пугали. Лидер английских консерваторов, влиятельнейший политик в Великобритании Б. Дизраэли полагал расширение избирательного права «прыжком в темноту». Национальные политические элиты страшились неизвестности и пытались себя обезопасить от превратностей всеобщего избирательного права. В Бельгии, Италии и Нидерландах лица с высшим образованием имели дополнительный голос на выборах. В Дании (до 1901 г.), в Пруссии (до 1913 г.), в Венгрии (до 1930-х гг.) сохранялось открытое голосование. В конце концов, был путь Германской империи, в которой полномочия рейхстага были сильно урезаны. В любом случае, несмотря на все усилия старых элит, становилось очевидно, что Западная Европа менялась. Она обретала новое политическое лицо.

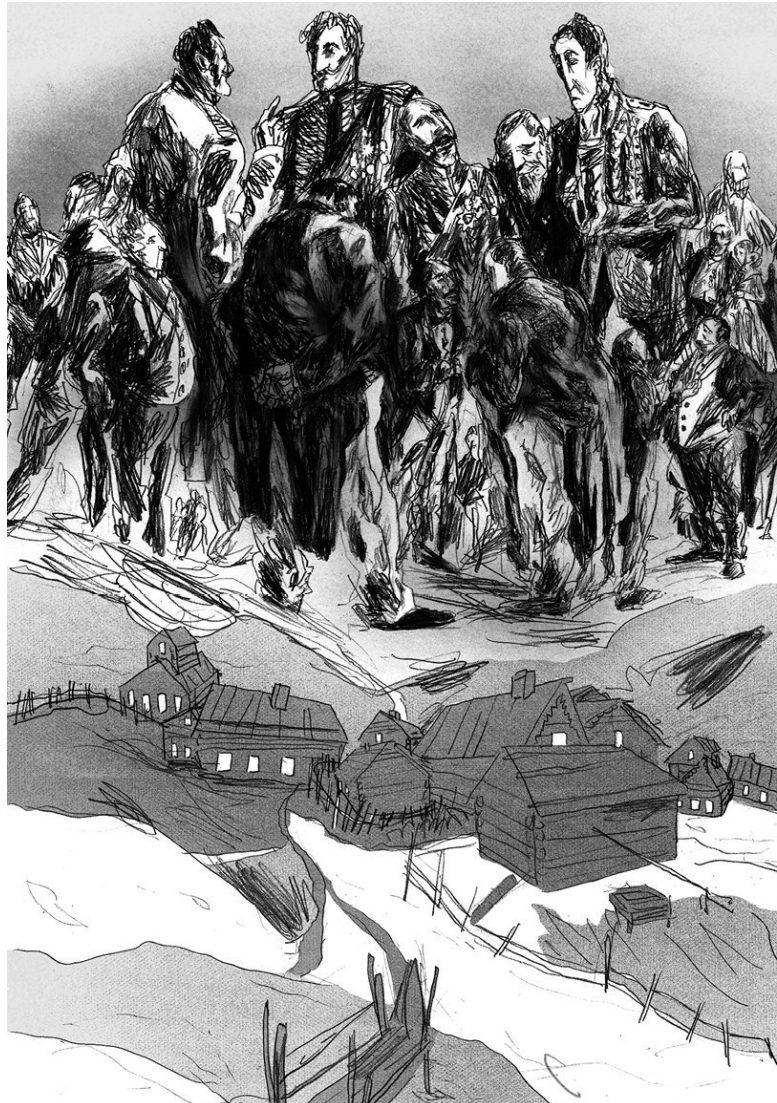
На протяжении XIX столетия российская политика меняла свое лицо в буквальном смысле этого слова. Традиционное монархическое сознание связывало с этим (и часто вполне оправданно) происходившие в стране изменения. Более того, современная российская историография в значительной своей части остается «втайне» монархической. Она делит историю государства на царствования и зачастую сводит политическую жизнь к умунастроению государя.

История же движется с разной скоростью, то сбавляя ход так, что кому-то даже может померещиться ее конец, то заметно ускоряясь. Ее фазы редко совпадают с началом и концом правлений. За последние двадцать лет XIX столетия сменилось два царя. Но это была одна эпоха, с вполне логичным началом и не менее логичным концом. Смерть Александра III не стала водоразделом российской истории, как это многими ожидалось. Зато 1 марта 1881 г. стало безусловной вехой в общественном сознании. Наш современник часто недооценивает радикальные повороты в непрерывном течении как будто бы монолитного прошлого. Русский XIX век был разным. Он включал в себя царствование Николая I, эталонного правителя для последующих Романовых; эпоху Великих реформ, видные деятели которых старались решительно порвать с николаевским прошлым, несмотря на то, что были оттуда родом; наконец, время последних двух царствований, которое началось с разочарования 1860-ми гг. и системного кризиса 1870-х гг.

Необходимость новых преобразований после трагической смерти Александра II казалась очевидной. Однако не было ясно, в каких именно переменах нуждалась империя. В менявшейся России политическая система в целом сохранялась прежней. Она с неизбежностью противоречила новым, прежде неведомым условиям жизни. Например, многие земские деятели и некоторые либеральные сановники в правительстве рассчитывали на расширение полномочий

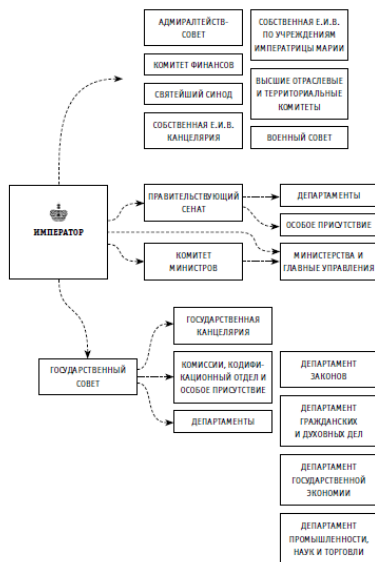
органов местного самоуправления, на «достройку земского здания» снизу и сверху. Фундаментом здания должно было стать волостное земство, способное обустроить крестьянскую жизнь, а увенчать здание надлежало всероссийскому земскому собранию, то есть общенациональному представительному учреждению.

В то же самое время консервативно настроенные чиновники смотрели на независимое земство как на постоянный источник конфликтов и считали необходимым ограничить его полномочия. Столь же неудобным представлялся им и независимый суд, действовавший согласно Уставам 1864 г. Практика показывала, что он мало годился для того, чтобы карать антиправительственные выступления. Самый яркий пример тому – процесс 1878 г. над В. И. Засулич, покушавшейся на жизнь столичного градоначальника Ф. Ф. Трепова за то, что он в нарушение закона подверг телесному наказанию политического заключенного. Присяжные, вопреки очевидным уликам, ее оправдали.

Вплоть до 1881 г. фактически не была завершена крестьянская реформа, начавшаяся за двадцать лет до того. Часть крестьян до сих пор еще не перешла на выкуп своих наделов. В консервативных кругах говорили об отсутствии порядка в деревне, где торжествовало хулиганство и безначалие. Положение осложнялось финансовым кризисом второй половины 1870-х гг., нехваткой денег в казне, дипломатическими неудачами. Наконец, террористические акты, завершившиеся гибелью царя, заставляли предполагать, что за ними стояло масштабное движение, реальную силу которого сложно было понять из чиновничьих канцелярий.

Таким образом, в русском обществе ощущался кризис, который можно было объяснять по-разному. Для одних его причина – незавершенность реформ, отсутствие важнейшей из них – политической. Другие видели причину в поспешности преобразований, которые проводились без учета российских реалий. Казалось, что и выхода было два: либо завершить цикл великих реформ, преобразовав государственный строй и ограничив власть монарха, либо постараться приновить все новое к традиционным устоям жизни России. В 1881 г. первый путь ассоциировался с бывшим «диктатором сердца» М. Т. Лорис-Меликовым, второй – с обер-прокурором Св. Синода К. П. Победоносцевым.

КОНСТАНТИН ПОБЕДОНОСЦЕВ

Так случилось, что период русской истории с 1881 по 1905 г. стал временем «царствования» Константина Петровича Победоносцева. Конечно, об этом «царствовании» можно говорить лишь в шутку, с большой долей условности. Серьезным влиянием Победоносцев пользовался лишь в начале 1880-х гг. Впоследствии Александр III к нему охладел. О Победоносцеве как о первом государевом советнике

вспомнили в начале царствования Николая II. Но это была лишь тень былого влияния. Тем не менее для общественно-го мнения Победоносцев оставался всесильным правителем России. Неслучайны знаменитые слова А. А. Блока из поэмы «Возмездие»:

*В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи
А только – тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стекланным взором колдуна...*

К. П. Победоносцев родился в Москве в 1827 г. Его отец был профессором Московского университета, а дед – священником. Сам Победоносцев окончил Училище правоведения. Он был блестяще образован, обладал хорошим литературным стилем. Победоносцев стал известным юристом, профессором Московского университета. Участвовал в подготовке судебной реформы 1864 г. В 1861 г. Победоносцев был назначен одним из учителей сыновей Александра II, что сыграло немалую роль в его судьбе. А с 1880 г. (кстати, с подачи М. Т. Лорис-Меликова) К. П. Победоносцев – обер-прокурор Св. Синода, фактический глава православ-

ной церкви. В этой должности он оставался вплоть до 1905 г.

Звездный час Победоносцева настал в 1881 г., когда на престол вступил Александр III. Тогда обер-прокурор Синода мобилизовал все свои таланты, чтобы сохранить неизменным самодержавие. Он на заседании Совета министров 8 марта 1881 г. выступил одним из немногих противников «конституции» Лорис-Меликова, и его голос оказался решающим.

В тот день он был белым, как полотно. Для него в этот момент и царем, и Россией решался гамлетовский вопрос: быть или не быть? Что делать, если ответ будет дан отрицательный? Принять этот проект – значит провозгласить конец России, убеждал он присутствующих. «При рассмотрении проекта, предлагаемого на утверждение Ваше, сжимается сердце. В этом проекте слышится фальшь, скажу более: он дышит фальшью...» Конечно же, по мнению Победоносцева, инициаторы этого проекта лукавили, они хотели конституции. Может быть, они рассчитывали сделать лишь первый шаг к ней?

«А что такое конституция? Ответ на этот вопрос дает нам Западная Европа. Конституции, там существующие, суть орудие всякой неправды, орудие всяких интриг». Кого будут представлять народные избранники, кроме себя? Никого. Он недоумевал, зачем России нужна очередная «говорилица». Как раз из-за «пустословия» не были разрешены важнейшие проблемы, стоявшие в предыдущее царствование. «К чему

привела великая святая мысль освобождения крестьян? К тому, что дана им свобода, но не устроено над ними надлежащей власти, без которой не может обойтись масса темных людей. Мало того, открыты повсюду кабаки; бедный народ, предоставленный самому себе и оставшийся без всякого о нем попечения, стал пить и лениться к работе, а потому стал несчастной жертвой целовальников, кулаков, жидов и всяких ростовщиков». Создали «говорильню» земских учреждений и городского самоуправления. Эти новые органы, естественно, не вели должной работы, а лишь «разглагольствовали» о самых важных государственных вопросах. «Говорильня» воцарилась и в суде, который стал оправдывать самые тяжкие преступления. Свободу получила печать, «самая ужасная говорильня». В итоге действовавшая власть оказалась дискредитированной. «И когда государь, предлагают нам учредить по иноземному образцу новую верховную говорильню...» Всего через неделю после злодеяния, когда еще не погребено тело погибшего императора! «Все мы, от первого до последнего, должны каяться в том, что так легко смотрели на совершавшееся вокруг нас; все мы виновны в том, что, несмотря на повторяющиеся покушения на жизнь общего нашего благодетеля, мы, в бездеятельности и апатии нашей, не сумели охранить праведника. На нас всех лежит клеймо несмываемого позора, павшего на русскую землю. Все мы должны каяться!»

Нечасто Победоносцев был столь решителен, как в тот

день. Или как это было спустя полтора месяца, когда обер-прокурором Св. Синода был написан «Манифест о незыблемости самодержавия». В действительности Победоносцев часто колебался, менял свою точку зрения. Все признавали его ум, образованность, литературный талант. Он мог блестяще раскритиковать любой законопроект, любую инициативу, но не мог ничего предложить своего. Многие современники вспоминали его скорбящим и ужасавшимся, удрученным и недовольным. Он все делал для охранения порядка и в то же самое время полагал революцию неизбежной.

Как-то чиновник Министерства финансов В. И. Ковалевский ехал с ним в одном купе поезда в Царское Село: «Обер-прокурор имел презабавный вид. Тощая, мумиеподобная фигура сидела в полудреме, устремив неподвижно глаза на большие пальцы рук, описывавшие круги один около другого. Пальцы периодически разжимались, чтобы подбирать обильно скоплявшиеся в углах рта капельки. В довершение всего – частое посвистывание сусликом. Я долго крепился. Наконец меня охватил неудержимый хохот. Как ни кусал я губы, как ни щипал ноги, ничто не помогало».

К. П. Победоносцев скончался в Петербурге в 1907 г.

* * *

Разворот 1881 г. не был исключительно российского происхождения. Вся Европа конца XIX в. переживала своего ро-

да «консервативный поворот», который в России совпал с переосмыслением опыта великих реформ, а также с колоссальным потрясением 1 марта 1881 г. С. Ю. Витте в записке от 9 октября 1905 г., подводя итог последней четверти столетия, писал: «В 1881 и 1882 гг. произошел поворот в самом мыслящем обществе, и правительственная реакция имела успех только потому, что ответила запросу общественного настроения. Почему произошел поворот, – останавливаться на этом теперь не место. Нельзя лишь забывать, что в тот момент научная мысль всего мира была на нисходящей половине волны. Конституционализм подвергался суровой критике. Социалистические тенденции громко протестовали против индивидуальной свободы. Экономические проблемы заглушали правовые. Абсолютизм не встречал теоретического отрицания».

Конечно, за эту четверть столетия изменилась Россия: иными стали общество, экономика, культурная жизнь страны. Однако это лишь в малой степени относится к сфере политики. В 1881 г. многие ждали революции. В 1905 г. она уже «катилась» по России. Сравнительно стабильные 25 лет обернулись масштабным политическим кризисом, который поставил точку в истории монархического единовластия в стране.

Но было ли вообще это единовластие? Что представляла собой политическая система в 1881–1905 гг.? Как принимались решения в этот период? Какова бы роль монарха и его

ближайших сотрудников?

Царь. «Правда воли монаршей»

Александр III, как и его предки, венчался на царствование в Московском Кремле 15 мая 1883 г. Когда куранты пробили девять, императорская чета вышла на Красное крыльцо. Александр III и императрица Мария Федоровна трижды поклонились многотысячной толпе, собравшейся на Соборной площади. Раздалось оглушительное «ура». Процессия двинулась в сторону Успенского собора. Над императором и императрицей держали золотой балдахин. Сановники несли регалии царской власти: корону, скипетр, державу, государственное знамя, щит и меч. Рядом шли гренадеры в форме 1812 года. Раздался удар большого колокола с колокольни Ивана Великого. Его подхватили все московские храмы. Начался бесконечный перезвон. Хор в пятьсот человек пропел гимн «Боже, царя храни». У дверей храма Александра III встречали митрополиты и архиепископы. Началась долгая церковная служба. И наконец, один из митрополитов снял с красной подушки корону и передал ее императору, который в свою очередь надел ее себе на голову. А затем взял вторую корону и надел ее на голову коленопреклоненной супруге. После этого царь подошел к иконостасу, взял чашу из рук митрополита и принял причастие. Ведь, будучи главой церкви, император причащался сам. Вновь зазвонили колокола, раздался пушечный салют. Коронация закончилась. Начался

праздник, который продолжался три дня. Он вместил в себя балы, банкеты, раздачу подарков народным массам. 26 мая, как раз в ходе коронационных торжеств, был освящен храм Христа Спасителя в Москве, сооруженный в честь победы России в войне 1812 г. Это положило конец многолетнему строительству, начатому еще в 1839 г.

В те дни в «высших сферах» очень волновались за жизнь царя. Казалось, из-за любого угла мог выскочить «нигилист» с бомбой. И не спасли бы расставленные по всему пути императорского кортежа солдаты или же 23 тыс. крестьян, добровольно взявшихся охранять Александра III. И все же отказываться от пышных церемоний российское самодержавие не имело права. Коронация напоминала всем об исторических корнях царской власти, о ее сакральном значении. Безграничная власть государя, защищавшего слабых и ограничившего произвол сильных, конечно же, миф. Но именно вокруг него строился весь политический режим.

Правда, опытные чиновники в самодержавие не верили. Они знали, кто готовит, кто принимает решения. Они знали, насколько ограничен арсенал средств, бывший в распоряжении у императора. Видный государственный деятель и проницательный мыслитель П. А. Валуев отметил в своем дневнике: «В обиходе административных дел государь самодержавен только по имени, что есть только вспышки, проблески самодержавия... что при усложнившемся механизме управления важнейшие государственные вопросы усколь-

зают и должны по необходимости ускользать от непосредственного направления государя... Наше правление – министерская олигархия».

Для чиновников столь горячо отстаиваемая славянофилами концепция самодержавной власти – нереализуемый идеал, поддерживавший стабильность существующего строя. Он как раз строился на вере в державную волю монарха, способного вести государственный корабль. Если же такой воли нет, корабль оставался во власти стихии, какой бы квалифицированной его команда ни была. Для представителей высшей бюрократии едва ли были сомнения, что такая «державная воля» – скорее фикция и в условиях «бури» общегосударственный корабль неминуемо окажется под угрозой. Буквально в дни коронации эту мысль в своем дневнике выразил государственный секретарь А. А. Половцов: «Самодержавие, о котором так много толкуют, есть только внешняя форма, усиленное выражение того внутреннего содержания, которое отсутствует. В тихое, нормальное время дела плетутся, но не дай бог грозу, не знаешь, что произойдет». Впрочем, такой порядок вещей того же самого Половцова устраивал. В мае 1885 г. он объяснял императрице Марии Федоровне: «Государь должен вмешиваться во второстепенные вопросы повседневной жизни? Я думаю, что верховной власти следует в этом вопросе подражать божественному провидению, которое, установив совершенный порядок, не может вмешиваться в жизнь отдельных существ, не подрывая своего пре-

стижа». Иными словами, царь должен был минимизировать свое участие в государственной жизни, предоставив «свободу рук» квалифицированным бюрократам.

Император действовал в весьма узком коридоре возможностей. Тем не менее он был безусловным центром всей политической системы. Многое зависело лично от него, от его черт характера, особенностей мировосприятия. Однако едва ли было оправданным свести буквально все сюжеты политической истории России XIX в. к психологии царя. В том числе потому, что ее реконструкция – дело в целом безнадежное. Чаще всего историк ее понимает довольно шаблонно, ограничиваясь несколькими базовыми характеристиками личности императора. Исследователь с легкостью «решает» ту задачу, которая и современника подчас ставила в тупик. В марте 1888 г. Половцов обратился за консультацией к обер-прокурору Св. Синода К. П. Победоносцеву, человеку умному, наблюдательному и в высшей степени хорошо знавшему Александра III: «Ты 25 лет прогуливаешься в этих высочайших мозгах [императора], скажи, как достигнуть благоприятного впечатления?» Победоносцев на это ответил: «В высочайших мозгах всегда есть новые, вновь открывающиеся закоулки». Еще в большей степени это замечание относилось к Николаю II, которого в ближайшем окружении оценивали как «сфинкса», как «загадку». Поведение императора нередко вызывало недоумение лиц, порой тесно с ним общавшихся.

Казалось бы, у этих загадок есть простое решение. Обычно могучий великан Александр III, с которого будто бы В. М. Васнецов писал своего Илью Муромца, противопоставляется Николаю II, отнюдь не отличавшемуся богатырским телосложением и физической силой. Это сопоставление было популярно и среди современников. И дело было, конечно, не только во внешнем облике. Вскоре после кончины Александра III управлявший Морским министерством Н. М. Чихачев так отзывался о наследнике и его августейшем родителе: «Наследник – совершенный ребенок, не имеющий ни опыта, ни знаний, ни даже склонности к изучению широких государственных вопросов. Наклонности его продолжают быть определенно детскими, и во что они превратятся, сказать невозможно... Руль государственного корабля [выпал] из твердых рук опытного кормчего, и ничьи другие руки в течение, по всей вероятности, продолжительного времени им не овладеют».

В отличие от сына, вечно колебавшегося и оказывавшегося под влиянием своего ближайшего окружения, Александр III вспоминался современниками как волевой правитель, способный на самые решительные шаги. Он не стеснялся своих чувств, мог весьма грубо высказаться о своих ближайших родственниках и сотрудниках. Так, великого князя Михаила Михайловича, пожелавшего жениться на дочери графа Н. П. Игнатьева, он прилюдно назвал кретином. На статье дипломата, историка и публициста С. С. Татищева,

сравнивавшего крестьянскую реформу 1861 г. с революционными событиями во Франции в 1789 г., император написал: «Только негодяй может писать такие вещи». Почти хрестоматийными стали слова Александра III о директоре Департамента полиции П. Н. Дурново, приказавшем выкрасть переписку своей любовницы с бразильским послом из кабинета последнего. Узнав об этом, царь написал: «Убрать эту свинью в 24 часа». После столь решительной резолюции государя Дурново был действительно уволен с должности главного полицейского и назначен сенатором.

И все же этот тиражируемый образ Александра III не слишком походил на самого царя. Он тоже сомневался и колебался, оказывался под влиянием и уступал. Примечательно, что император терпел на высших государственных должностях лиц, которым лично не доверял: например государственного секретаря Е. А. Перетца². По сведениям графа С. Д. Шереметева, Александр III не слишком уважал и сменившего Перетца А. А. Половцова. С неохотой император согласился на назначение председателем Департамента законов Е. П. Старицкого. Александр III недолюбливал и его преемника барона А. П. Николаи, видя в нем друга бывшего министра народного просвещения А. В. Головнина и ставленника дяди царя – ненавистного великого князя Константина Нико-

² Про него Александр III говорил так: «Он напоминает мне такое время, которое мне несимпатично. Они с дядей Костей [великим князем Константином Николаевичем, председателем Государственного совета] при покойном государе хозяйничали в Государственном совете и вели дела не так, как бы желал я».

лаевича. Не вызывал симпатий государя и председатель Департамента государственной экономики А. А. Абаза, старый приятель М. Т. Лорис-Меликова.

Пожалуй, еще важнее то, что, решительный на бумаге, император чаще всего не был готов идти на конфронтацию с тем, с кем лично встречался. Опытные царедворцы не боялись аудиенции у императора, добивались ее и в итоге нередко одерживали верх над всеми своими недоброжелателями. Император не казался столь суровым и решительным во время всеподданнейших докладов, о которых речь пойдет ниже. Причем министрам было хорошо известно, что император предпочитал не решать дела во время самого доклада. Обычно он оставлял дела у себя и решал их спустя некоторое время. Это объяснялось многими причинами, в том числе и тем, что так Александру III было проще отказывать своим сотрудникам.

В то же самое время образ мягкого, деликатного императора Николая II весьма обманчив. Действительно, последний царь был чрезвычайно любезен и деликатен в личном общении. Однако некоторые его резолюции удивляли современников своей резкостью. Такую резкость сложно было ожидать не только от Александра III, но и от Николая I. Характерен случай, когда Государственный совет столкнулся с проблемой, что буряты в начале XX в. были освобождены от телесных наказаний, а жившее по соседству с ними русское крестьянство пороли по решениям волостного суда. Та-

кое неравноправие возмутило сановников. В этой связи было предложено внести в резолютивную часть журналов департаментов Совета предложение об упразднении телесных наказаний в России. Однако опытные государственные мужи стали возражать, опасаясь резкой реакции со стороны государя, который и так задумал отменить телесные наказания после рождения наследника. Под их давлением эта инициатива была «спрятана» в журнале, где излагались мотивы решения Общего собрания Государственного совета. Однако и это вызвало неудовольствие государя, который наложил резолюцию: «Это будет тогда, когда я это захочу». По словам И. В. Гурко, министр внутренних дел Д. С. Сипягин представил императору эту ситуацию как типичную для высшего законосовещательного учреждения империи, в котором будто бы заседают антиправительственные силы. Этот случай показательный, но отнюдь не единственный. 1 января 1904 г. император написал министру внутренних дел В. К. Плеве о Тверском земстве: «Настало время треснуть неожиданно и крепко». В период Первой революции Николай II телеграфировал командующему Одесским военным округом в связи с восстанием на броненосце «Потемкин»: «Примите немедленно самые жестокие меры». 19 октября 1905 г., подводя итог недавним событиям, император так описал матери поведение своих министров: «Господа министры, как мокрые курицы, собирались и рассуждали о том, как сделать объединение всех министерств, вместо того чтобы дей-

ствовать решительно». Поздней осенью 1905 г., реагируя на реплику главного управляющего Канцелярией по принятию прошений А. А. Будберга о том, что было бы лучше всего арестовать С. Ю. Витте, премьер-министра России, Николай II кратко, но весьма выразительно сказал: «О да!» В декабре 1905 г. на донесении генерала Хоруженкова о подавлении революционного движения в городе Туккуме (Курляндская губерния, ныне Латвия) царь наложил резолюцию: «Надо было разгромить город». 12 февраля 1906 г. директор Верхнеудинского реального училища Устрецкий послал телеграмму императору с просьбой о смягчении наказания для пяти учителей, приговоренных к повешению. Император недвусмысленно ответил: «Всяк сверчок знай свой шесток». Впоследствии Николай II весьма откровенно отзывался о знакомых ему государственных и политических деятелях. Например, царь называл лидера «Союза 17 октября», а в прошлом председателя Государственной думы А. И. Гучкова «подлецом». Встречи с ним он считал предосудительными, а одному из министров прямо говорил, что «Гучкова мало повесить».

За свое довольно продолжительное царствование немногословный и весьма скрытный государь произнес много слов, очень разных по смыслу и тональности. Их не сложить в простую формулу, объясняющую личность императора. Ее трудно понять, видя все в черно-белых красках: сильный или слабый, волевой или нерешительный и т. д. Нужны полутона.

Решительность на бумаге сочеталась с готовностью Николая II соглашаться с каждым своим собеседником. И в этом сын очень походил на отца.

Любого человека нельзя свести к совокупности качеств его характера. Человек намного сложнее. Тем труднее говорить о герое из прошлого, не слишком склонного к открытости. Но император – это не только и, может быть, даже не столько человек. Это властный институт, своего рода функция, сопряженная с исполнением ежедневных обязанностей. И в этом отношении императорская власть вполне познаваема. Исследователь может попытаться понять меру участия царя в процессе выработки политических решений.

Впрочем, попытаться – не значит понять. Император редко сообщал современникам, о чем он думал перед принятием решения. Остается только догадываться, кто и как влиял на царя. При этом, конечно, очевидно, что многое действительно зависело от личных качеств государя. Александр III весьма ответственно относился к своим обязанностям. Управляющий делами Императорской главной квартиры О. Б. Рихтер говорил: «За много лет, что я управляю комиссией прошений на Высочайшее имя... я не помню случая, чтобы посланный мною государю с вечера портфель с бумагами не был возвращен мне на следующее утро с исполненными делами». Обычно весь день императора уходил на встречи и приемы. Александр III работал с бумагами преимущественно ночью. Ему приходилось знакомиться с отчетами мини-

стров, главноуправляющих, губернаторов, генерал-губернаторов, командующих войсками и др. Периодически ставился вопрос о создании коллегиального учреждения, которое бы помогало императору, а в сущности подменяло его. В мае 1884 г. этот вопрос инициировал председатель Комиссии прошений С. А. Долгорукий, но без особого успеха: создание подобного «визирства» пугало бюрократию.

Обычно Александр III уходил к себе в кабинет около 9 часов вечера. По настоянию императрицы он дал слово работать «лишь» до 3 часов ночи. В это время камердинер должен был докладывать царю, что следовало заканчивать работу. Если же царь не обращал на это внимания, камердинер докладывал вторично. В третий же раз он просто тушил свет, несмотря на все протесты государя. Вставать же императору приходилось рано: доклады министров нередко начинались уже в 9 часов утра. При этом, выслушивая министров, император, как уже говорилось выше, не любил принимать решений в ходе личных аудиенций. Обычно он оставлял у себя министерские бумаги и работал с ними ночью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.